

УДК 321:94(450)

**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О «РУБЕЖНОМ ПЕРИОДЕ»
ДИПЛОМАТИИ ФЛОРЕНЦИИ В ИТАЛЬЯНСКИХ ВОЙНАХ
И ЕГО ЗНАМЕНАТЕЛЬНОМ ЭПИЗОДЕ: МИССИЯ НИККОЛО
МАКИАВЕЛЛИ К КАТЕРИНЕ СФОРЦА (ИЮЛЬ 1499 Г.)**

Павлов К.В.

В исследовании рассматривается дипломатия Флоренции начального этапа эпохи Итальянских войн 1494-1559 гг. Автор обосновывает концепцию анализа событий 1498-1499 гг. во флорентийской дипломатии как определенного «рубежного периода», когда Тосканской республике требовалось сформировать новое представление о собственных задачах в условиях итальянского вооруженного конфликта и стратегии их реализации. Основное внимание в контексте подобной концепции анализа уделено фигуре секретаря флорентийской дипломатии Никколо Макиавелли и его миссии в июле 1499 г. к графине Форли Катерине Сфорца. В заключительной части исследования предлагается не только обобщающий вывод, но и приложение – предлагаемый автором статьи собственный перевод ряда дипломатических документов миссии Макиавелли к Катерине Сфорца с итальянского языка на русский, сопровождаемый примечаниями.

Ключевые слова: Флоренция, Итальянские войны, Макиавелли, Сфорца, Форли, Пиза, дипломатия.

**SOME REMARKS ON THE “BORDER PERIOD” OF FLORENTINE
DIPLOMACY IN THE ITALIAN WARS AND ITS SIGNIFICANT EPISODE:
THE MISSION OF NICCOLO MACHIAVELLI
TO CATERINA SFORZA (JULY 1499)**

Pavlov K.V.

The research examines the diplomacy of Florence in the initial stage of the Italian Wars of 1494-1559. The author substantiates the concept of analysing the events of 1498-1499 in Florentine diplomacy as a certain “border period”, when the

Tuscan Republic needed to form a new understanding of its own goals in the context of the Italian armed conflict and the strategy for their implementation. The main focus in the context of analysis is on the figure of the secretary of Florentine diplomacy, Niccolo Machiavelli and his mission in July 1499 to the Countess of Forli, Caterina Sforza. The final part of the study propose not only a generalizing conclusion but also an appendix – the author's own translation of a number of diplomatic documents of Machiavelli mission to Katerina Sforza from Italian into Russian, which contains some notes.

Keywords: Florence, Italian Wars, Machiavelli, Sforza, Forlì, Pisa, diplomacy.

В эпоху Итальянских войн 1494-1559 гг. бесчисленное множество раздробленных городов-государств Апеннин, ранее до кризисной ситуации затяжного вооруженного конфликта почти полвека существовавших в относительно устойчивых условиях системы «баланса сил» (или «Лодийской системы») [18, р. 9-10], вынужденным образом регулярно перестраивали свой военно-дипломатический курс. Флорентийская республика, именем своего авторитетного правителя из дома Медичи – Лоренцо (1469-1492), известная как ключевой «гарант» политики сдержек и противовесов в Италии периода действия соглашений в Лоди (1454-1494 гг.) [18, р. 9], в результате падения подобной системы столкнулась с одновременной чередой существенных противоречий в определении развития собственной внутренней и внешней политики. Осенью 1494 г. Флоренция лишилась и своего стратегического владения на Апеннинах – приморской территории Пизы, утраченной вследствие провенецианского мятежа, и традиционной формы верховного управления: дом Медичи (в лице наследника Лоренцо Пьеро II) был изгнан из Тосканской республики [2, с. 450-451]. Более того, воспользовавшись условиями неопределенности положения Флоренции осенью 1494 г., Пиза сумела отстоять собственную независимость и наладить параллельный с флорентинцами канал дипломатической связи с крупнейшим внешним «игроком» итальянской политики начального периода войн на Апеннинах –

Францией [2, с. 451]. Союзные же обязательства Флоренции по отношению к французам, во главе со своим монархом Карлом VIII Валуа (1483-1498) вступившим в Италию с целью взятия Неаполя, в контексте изгнания наследовавшего власть в городе после смерти своего отца Лоренцо Пьеро II Медичи (1492-1494) подвергались неудобному пересмотру.

Это проистекало из контroversии отношений Карла и Пьеро базису франко-флорентийского союза на опыте более чем дружественного диалога предшественников обоих – Людовика XI Валуа (1461-1483) и Лоренцо [14, р. 192-193, 198-199, 254-255]. Так, в одном из писем к римскому понтифику Сиксту IV (1471-1484) Людовик даже высказал свою позицию о подконтрольности Пизы, как архиепископства, юрисдикции флорентийского архиепископа, каковым тогда являлся сторонник Лоренцо Ринальдо Орсини [14, р. 193]. Спор по церковному статусу пизанского владения на рубеже 1470-х гг. составлял одно из ключевых противоречий отношений Медичи с папством, в конечном итоге, сведшихся и к локальному военному конфликту. Бургундский и французский дипломат, автор знаменитых «Мемуаров» Филипп де Коммин утверждал, что Пизанское архиепископство как церковная единица и вовсе стало причиной знаменитого заговора Пацци 26 апреля 1478 г., когда флорентийское семейство – противник Медичи при поддержке людей Сикста организовало вооруженное выступление с целью свержения медичейского дома [4, с. 234]. Аргументируя свою точку зрения, де Коммин упомянул факт повешения архиепископа Пизы, ставленника понтифика Франческо Сальвиати, за предполагаемое соучастие в мятеже вскоре после его провала [4, с. 234]. Следовательно, выражая данное мнение о подконтрольности пизанской церковной институции промедичейскому архиепископу Флоренции, Людовик не мог не понимать степень авторитета и ответственности подобного выражения. Более того, в письме от 17 февраля 1483 г. к Лоренцо Медичи французский монарх и вовсе поименовал правителя тосканской республики родственным обращением «мой кузен» [14, р. 254]. Тогда как после смерти Лоренцо Пьеро II поначалу занял в условиях итальянского конфликта сторону

Арагонского дома Испании, чье владение – королевство Неаполь – оказалось под ударом французских войск [9, р. 26-27].

Новая позиция Флоренции в сложившейся после изгнания дома Медичи ситуации парадоксальным образом оказалась традиционной, но невыгодной: это был ревностный профранцузский курс монаха Джироламо Савонаролы (1494-1498). По упоминанию современника стартового этапа итальянского конфликта, французского дипломата Филиппа де Коммина в сочетании с франкофильской внешнеполитической опорой Савонарола основывал свою власть в тосканском городе на культово-символическом базисе обличающих проповедей: «...Он всегда проповедовал к великой пользе короля и слова его удержали флорентийцев от выступления против нас, ибо никогда еще проповедник не пользовался в городе таким доверием. Что бы там ни говорили или не писали в опровержение, он постоянно уверял слушателей в пришествии нашего короля, говоря, что король послан богом, дабы покарать тиранов Италии, и что никто не сможет ему оказывать сопротивление и противиться» [4, с. 319]. Вместе с тем де Коммин не уточнил, использовал ли монах свое положение исключительного союзника короля Франции для решения проблемы возврата Пизы как-либо еще, кроме как тем свойством, что «...вел с королем речь о возвращении флорентийцам их городов» [4, с. 319]. Вероятно, именно поэтому, как подчеркивает современный американский исследователь истории ренессансной Италии К. Челенца, за время своего правления монах попытался разыграть карту ригоризма в наиболее возможно крупном масштабе в реалиях итальянской политики [9, р. 28-30]. Челенца констатирует, что фра Джироламо вступил в конфликт с понтификом Александром VI (1492-1503), потребовав от него созыва собора для реформирования Католической церкви [9, р. 28-30]. Как не без иронии заметил по поводу данного конфликта итальянский церковный историк Р. Биззокки, в реноме церковных властителей Флоренции и Рима в условиях Итальянских войн приобретали взаимосвязь «...репутационные основания власти итальянских правителей, объединенных общим способом осуществления власти или ее правом» [6, р. 349]. Поэтому Савонарола оказался

скреплен в сознании современников с фигурой римского понтифика, как главного правителя католического мира на основании канонического права, а конфликт с Александром и его последствие – папский интердикт 1497 г. в отношении монаха и Флоренции – приговорили его к печальному исходу [6, р. 349-350].

Кроме того, весомое неприятие широких слоев флорентийского населения вызвал в итоге и казавшийся вначале перспективным проект Савонаролы по созданию во Флоренции Большого совета (*Consiglio Maggiore*) по аналогии с французскими учреждениями политического представительства [3, с. 41-44]. Вопреки нареченной монахом вывеске действительно существовавшее широкое представительство в Большом совете при принятии ключевых решений в политической жизни Флоренции, по сути, не приводило к заключению таковых в пропорциональных интересах большинства. Почему реформа, декларированная в интересах большинства, и обеспечившая этому большинству некоторую степень репрезентации в политической жизни города, не привела к прямому народовластию? Современная отечественная исследовательница фигуры Савонаролы Е.П. Тельменко предлагает считать причиной подобной ситуации заинтересованность лиц, приведших фра Джироламо к власти – знатных флорентинцев, ранее пребывавших в оппозиции к дому Медичи, в реализации в тосканской республике проекта аналога венецианской конституции [3, с. 43]. В таком случае Флоренция превращалась бы в аристократическую республику, а Большой совет и прикрепленные к нему вспомогательные магистраты – в подобие Сената Венеции [3, с. 43]. Тогда как французский историк ренессансной Флоренции Ж.-М. Ривьер, произведя просопографический анализ структуры флорентийских магистратов периода 1494-1527 гг., предлагает считать подлинной причиной замещение незначительным меньшинством руководящих должностей в ключевых учреждениях (т.н. «Большая тройка» – *Tre Maggiori*) по принципу жребия [17, р. 85]. Так, Ривьер приводит некоторые странные результаты работы подобного жребия, наводящие на предположения о коррупции или nepотизме

флорентийской политической элиты времен Савонаролы: к примеру, шесть из десяти представителей Совета Десяти (*Dieci*), ведавшего дипломатией города, подобным образом избранных при монахе впервые, по три раза до этого избирались на должности в магистратах *Tre Maggiori* [17, p. 85]. В то же время семь из этих же первых десяти вновь избирались как минимум один раз в тот же магистрат за время его существования в подобном виде, что (при реально прозрачном жребии) просто исключается законами арифметики [17, p. 85]. Из этого интересного замечания французского историка следует, что в политической иерархии савонаролианской Флоренции складывалась ситуация, при которой меньшинство лиц, реализовывавших интересы большинства, выбирало друг друга и из самих себя посредством ситуативной ротации [17, p. 85]. Добавляя к этим внешнеполитическим неудачам и непотизму внутренних назначений явное недовольство флорентийских горожан состоянием своих дел при Джироламо, которое тот же де Коммин характеризовал как «великую нужду» [4, с. 380], не стоит удивляться исходу политической карьеры монаха. В мае 1498 г. он был казнен, и Флоренцию ждала новая политическая формация, фактически уже третья с момента старта Итальянских войн.

Для таковой формации Тосканской республике требовались и новые подходы к курсу дипломатии, и новые кадры: в этой связи необходимо было решить вопрос обновления аппарата руководства. По замечанию современного французского историка итальянской ренессансной политики Ж.-И. Борьо, спустя пять дней после казни Савонаролы, 28 мая 1498 г., в государственных учреждениях Флоренции новыми республиканскими властями были проведены выборы на должности, ставшие вакантными после временного кадрового расформирования действовавших при монахе государственных магистратов [7, p. 33-35]. Эти выборы неожиданно обернулись триумфом отнюдь не для «дружков» — участников патриотических движений внутри Флоренции, боровшихся с монахом силой оружия, но не костра. Не снискали славы в этой столь скоропалительно прошедшей избирательной кампании и флорентийские сторонники реставрации власти дома Медичи: победу праздновали

нейтральные кандидаты, сумевшие выгодно отстраниться от флорентийского политического противоборства 1494-1498 гг. и выждавшие свой шанс на новом витке развития флорентийского государства. Формированию новой политической элиты во Флоренции (в том числе, на уровне дипломатии) способствовали и некоторые законодательные изменения, произошедшие в республике после падения савонаролианского режима.

В частности, как отметил итальянский историк Дж. Кадони, актом флорентийской Синьории от 31 мая 1499 г. существенно демократизировался механизм отбора на политические должности, в том числе и в Совет Десяти: «...Закон от 31 мая 1499 г., как мы видели, среди прочего, постановил распределять Совет Десяти по жребию, чье "обновление" должно было санкционироваться от раза к разу Советом Восемидесяти голосами двух третей присутствующих» [8, р. 113-114]. Тем самым в краткосрочной перспективе создавалась возможность для привлечения к контролю над флорентийской дипломатией, а, следовательно, и к отбору лиц на должности исполнителей таковой, способных граждан, представлявших слои республиканского общества, далекие от аристократии и олигархии. В этой связи неудивительно, что в дипломатии Флоренции 1498-1512 гг. появились (и вскоре приобрели весомое влияние) яркие персоналии, происходившие из интеллектуальной элиты средних слоев.

Среди них наиболее яркое место в истории, без сомнения, оставил Никколо Макиавелли (1469-1527), занявший в 1498 г. должность секретаря Первой канцелярии и Совета десяти республики [7, р. 35-36]. Вместе с тем, как свидетельствует Ж.-М. Ривьер, в новом политическом аппарате Тосканской республики сохранилась существенная доля мест как для «старых» медичейских кадров (*palleschi*), так и для савонаролианцев (*piagnoni*) [17, р. 80-82]. Это отразилось на формировании *Tre Maggiori* осенью 1498 – зимой 1499 гг., а, соответственно, и на дипломатических кадрах республики [17, р. 82-83]. Так, в составе Совета Десяти Флоренции, ответственного не только за исполнительный контроль над флорентийской дипломатией (составление

служебных инструкций репрезентантам (*commissione data*)), но и за осуществление дипломатических миссий от имени Флоренции, и за назначение на дипломатические должности, 3 декабря 1498 г. оказалось четыре савонаролианца, и столько же – 20 сентября 1500 г., при следующих выборах в «десятку» [17, р. 82]. В то же время в Магистрате выборных лиц Совета десяти, органе *Tre Maggiori*, все еще осуществлявшем фактический отбор «десятки» (при появлении процедуры жребия Совета восьмидесяти), преобладали представители «старых» семейств флорентийской аристократии, начинавших политическую карьеру еще при Лоренцо Великолепном и, если не выступавших за реставрацию Медичи открыто, то умеренно тяготевших к промедичейским взглядам [17, р. 92].

В этой связи новый дипломатический корпус флорентийского государства, представлявший собой, по сути, «интеграл» различных политических групп интересов, не мог не предложить умеренный вариант дальнейшей дипломатической стратегии Тосканской республики в Итальянских войнах: курс вооруженного нейтралитета. Однако этот курс в условиях интенсификации событий итальянской политики в войнах на Аппенинах не мог со смертью Савонаролы стать целостным единовременно. Дипломатия Флоренции проходила в 1498-1499 гг. через некий «рубежный период», хронологически почти точно совпавший и с рубежом столетий.

Объединяло приверженцев различных подходов к флорентийскому политическому курсу понимание приоритета проблемы Пизы, вернуть которую после мятежа 1494 г. Тосканской республике оставалось их общей военно-дипломатической задачей. Вместе с тем, нареченный Савонаролой «гарантом» успеха пизанского предприятия для флорентинцев французский король Карл VIII, по крайне незадачливому совпадению, скончался почти в одно время с монахом (в апреле 1498 г.). Новый же монарх Франции, герцог Орлеанский, воцарившийся как Людовик XII Валуа (1498-1515), в первую очередь стремился решить вопрос легитимации собственного наследования престола. Об этом свидетельствует в своей «Истории Италии» знаменитый дипломат, историк и

мыслитель эпохи Итальянских войн Франческо Гвиччардини (1483-1540): «Поскольку у Карла не было сыновей, французское королевство досталось герцогу Орлеанскому Людовику, ближайшему родственнику Карла по мужской линии. В Блуа, где он тогда находился, после смерти короля поспешила королевская стража и весь двор, а затем один за другим все сеньоры страны, чтобы поздравить его и выразить свою преданность. Впрочем, втайне шли разговоры о том, что согласно старинным обычаям королевства Людовик утратил право на корону, выступив против верховной власти во время войны в Бретани» [5, с. 219].

Вместе с тем Гвиччардини справедливо добавляет, что планы Людовика в итальянской политике в отличие от проекта его предшественника на французском троне представлялись современникам его воцарения менее определенными и более негласными: «Смерть французского короля Карла избавила итальянцев от нависшей со стороны французов угрозы, ибо казалось маловероятным, чтобы Людовик Двенадцатый в самом начале своего правления втянулся в войну по эту сторону гор. Однако те, кто думал о будущем, не могли отделаться от мысли, что отсроченное зло со временем может стать опаснее, ибо огромная власть досталась искушенному в военном деле королю, закалившемуся во многих войнах, не склонному к расточительству и несравненно более самостоятельному, чем его предшественник» [5, с. 223]. Но притязания нового французского монарха по уточнению флорентинца могли оказаться двойными: это не только «переигровка» неаполитанского сценария Карла, но и претензия (по Орлеанской ветви дома Валуа) на управление герцогством Милан [5, с. 223]. По отношению к событиям рубежа XV-XVI вв. историческое описание Гвиччардини, разумеется, не может считаться ничем иным, кроме как сухой ретроспективой, поскольку «История Италии», как отмечает современная польская исследовательница деятельности флорентинца М. Чапиньска-Бамбара, писалась автором преимущественно в 1536-1540 гг., то есть в последние годы жизни [10, р. 15]. Тогда как флорентийской дипломатии в сложившейся в 1498

г. ситуации неопределенности нового курса в Итальянских войнах предстояло столкнуться с очевидным парадоксом: в диалоге с Францией требовалась живая аналитика собственного положения, а оснований для нее еще не имелось. Пожалуй, неким прелиминарным фоном для подобной аналитики могли служить разве что результаты последней полноценной миссии посланника Флоренции ко двору Карла VIII в годы правления Савонаролы: этим посланником в ноябре 1496 г. был Раньери Тосинги [15, р. 695-700].

В нашем распоряжении имеется научно-критическое издание некоторых документов служебной переписки Тосинги с флорентийским руководством при исполнении миссии во Францию от ноября 1496 г. под редакцией знаменитых историков-позитивистов XIX столетия Дж. Канестрини и А. Дежардена [15, р. 695-700]. Так, из корреспонденции Тосинги по ходу исполнения французской миссии нам известно, что состояние «пизанского вопроса» оценивалось флорентинцами как «притеснение и угрозы со всех сторон» [15, р. 697], а одной из угрожавших праву Тосканской республики на пизанское владение сторон назывался миланский герцог [15, р. 697]. В этой связи едва ли стремившийся реализовать право наследования престола герцога Милана Людовик мог видеть Пизу в каком-либо ином качестве, кроме как территории в области своего протектората. Пусть, как ретроспективно зафиксировано в «Истории Италии» Гвиччардини, французский король, понимая всю внезапность сути произошедшего внутри Флоренции со свержением Савонаролы, и не выказал ни стремления непосредственного отказа от держания этой территории «в залог» от тосканской республики, ни поддержки пизанцам [5, с. 219-223]. Соответственно, для возврата пизанского владения флорентинцам нужно было подготовиться противостоять мятежникам, а значит – спланировать наступление на их рубежи, а именно: организовать лагерь для подобного наступления и обеспечить для него войско.

Организованного ресурса из собственных вооруженных сил у Флоренции не было, что, по упоминанию современного американского исследователя Флорентийской республики и персоналии Никколо Макиавелли Н. Каппони,

являлось для тосканского государства наиболее принципиальной проблемой в выстраивании своей военно-дипломатической стратегии: «...С началом боевых действий флорентийцам зачастую приходилось полагаться лишь на остатки наемных войск – не самых подготовленных, не самых опытных и, прежде всего, не самых надежных солдат, которые, как правило, не отличались высоким боевым духом, поскольку республика не желала, да и не могла регулярно выплачивать им жалование» [1, с. 134]. Поэтому перед осуществлением пизанской кампании предстояло привлечь на службу Флоренции большие наемные войска, во главе с опытными кондотьерами, в качестве капитанов. Проблемы флорентийской дипломатии в войнах на Апеннинах периода 1498-1499 гг. подробно отражены в служебной переписке Никколо Макиавелли – секретаря Совета десяти – внешнеполитической канцелярии республики и ее исполнительного органа дипломатии.

Первым дипломатическим документом за подписью Макиавелли, содержащим упоминание им пизанской проблемы, стало письмо к флорентийскому комиссару в Муджелло от 5 октября 1498 г об организации Флоренцией лагеря для подготовки войны с Пизой [16, р. 61-62]. Адресат письма от 5 октября 1498 г. не назван Макиавелли по имени, однако из письма от 18 октября 1498 г. можно заключить, что им был Якопо де Пикти, ставший комиссаром республики в лагере против пизанцев [16, р. 69]. По распоряжению флорентийского руководства Макиавелли сообщил комиссару, что лагерь предполагалось разбить в «...Санта-Мария-ин-Кастелло – местности вблизи от Пизы в трех милях, с тем, чтобы капитан прошел крепко и прямо к приобретению несомненной победы» [16, р. 61-62]. Не совсем понятно, кого Макиавелли и флорентийская Синьория подразумевали под «капитаном» на пизанском направлении. Указание о «капитанах Флорентийской республики» следует из письма Никколо к комиссару республики по делам войны Луке Дельи Альбицци от 18 ноября. Так, в качестве капитанов для поддержания порядка на территории Ареццо – другого порубежного владения республики – Флоренцией были наняты братья-кондотьеры Паоло и Вителлоццо Вителли.

Соответственно, они уже выдвинулись в направлении Ареццо и в пизанский лагерь не перебрасывались [16, р. 84]. Предположение о том, что братья Вителли изначально не рассматривались Синьорией как капитаны Флоренции в пизанской кампании, подкрепляется и реляцией Макиавелли от 6 ноября комиссару республики в Казентино, местности, являвшейся одним из «фронтиров» пизанского сепаратизма. В ней он упоминает об инициации переговоров о договоре кондотты с правителями двух соседних городов-государств – властителем Пьомбино Якопо д'Аппиано и наследником престола в Форли Оттавиано Риарио [16, р. 79-80]. При этом секретарь Первой канцелярии упоминает, что династ Форли уже выступил по соглашению с Флоренцией в сторону Казентино: «...Синьор Оттавиано ди Форли и все его люди покинули поле Пизы, чтобы прийти к этому времени. И вот мы написали нашему Комиссару, чтобы они послали его [в] эти части здесь и там» [16, р. 80]. Аналогичное выдвижение в сторону Казентино, однако не от Пизы, а от Ареццо, как следует из того же письма, совершили и люди д'Аппиано [16, р. 79]. Однако д'Аппиано и Риарио посчитали себя выполнившими условие предварительных договоров о кондотте с флорентийской Синьорией самим фактом выдвижения из лагерей, в связи с чем привлечение их людей к пизанской кампании флорентинцев 1498 г. не состоялось (как, в связи с этим, и сама полноценная кампания). Соответственно, для заключения новых соглашений или продления действовавших, требовалось делегирование в Пьомбино и Форли флорентийского посланника. Выбор исполнительного руководства флорентийской дипломатией в лице Совета десяти для осуществления этого задания пал на Никколо Макиавелли, уже хорошо знакомого с ситуацией вокруг данных договоров по канцелярской службе.

Целью первой самостоятельной дипломатической поездки Макиавелли в Пьомбино в марте 1499 г. было выдвижение отказа со стороны Флоренции на пересмотр финансовых условий договора о найме привлекаемых солдат. Правитель Пьомбино Якопо д'Аппиано потребовал от республики увеличить жалование для своих наемников по действовавшей между городами-

государствами кондотте, сославшись на якобы незаконный параллельный аналогичный договор Флоренции с Ринуччо да Марчано – противником Аппиано в борьбе за власть [1, с. 50]. В качестве компромиссного варианта решения данной проблемы Макиавелли предложил Аппиано в следующем договоре о кондотте между Флоренцией и Пьомбино увеличить на сорок человек количество нанимаемых солдат: тем самым сумма договора увеличится автоматически, без увеличения жалования наемникам. Якопо согласился, и текущий Флорентийско-Пьомбинский договор не был пересмотрен [1, с. 50], следовательно, секретарь флорентийской дипломатии весьма успешно справился со своим первым поручением на службе республике. Вскоре последовало новое, на сей раз более ответственное задание – командировка в Форли к графине Катерине Сфорца с просьбой о продлении флорентийской кондотты с ее сыном Оттавиано Риарио.

Макиавелли предстал перед графиней в июле 1499 г. В это время французский король Людовик XII, как полагали, уже готовил военный поход с целью захвата Францией Милана, где властвовали Сфорца, к роду которых принадлежала графиня Форли [12, р. 87]. По саркастичному замечанию современного американского историка ренессансного Милана Дж. Ганье, положение дома Сфорца в итальянской политике в 1490-е гг. было настолько шатким и неопределенным, что о содействии по службе кому-либо еще на Апеннинах с их стороны речи идти не могло вовсе: «Герцогский дом не был продуктивным и, согласно некоторым полемическим аргументам этой истины, которые будут рассмотрены вскоре, – наследственно-династическим» [12, р. 87]. Основное внимание в научном анализе Ганье сосредоточено на миланских источниках эпохи Итальянских войн. Однако выше упомянутую фразу американского ученого о доказательствах крушения наследственности власти Сфорца в Милане в глазах младших современников падения этого герцогского дома, случившегося в 1500 г. [12, р. 88], прекрасно иллюстрируют и некоторые источники, произошедшие не из Милана. Так, в сочинении венецианского сенатора и дипломата Андреа Мочениго «О содеянном в Камбре в наши

времена в отношении Италии» описано положение дома Сфорца и одиозного герцога из этого дома Лодовико Моро (1494-1500) [13, р. 17-18 [2]]. Которого, в силу целого комплекса весьма щекотливо взаимосвязанных причин, включавших вероятное соучастие в умерщвлении предыдущего герцога и разрушивший баланс «Лодийской системы» профранцузский уклон в контексте экспансии Карла VIII, далеко не все политические силы в Италии и Европе даже признали наследником миланского престола [12, р. 78]. В своем описании, Мочениго называет ситуацию правления Моро в Милане «время без создания герцога Милана» и, вместе с тем – самого герцога «созданным не ко времени» (*non era di Milano creato Duca*) [13, р. 17 [2]]. Оставляя без комментария предвзятое утверждение о том, что король Франции желал «подчинить себе всю Италию» (*soggiogare tutta l'Italia*) [13, р. 28 [7]], обусловленное принадлежностью автора данных строк к Венеции, по упоминанию ряда современников [см.: 4; 5; 13], с начала войн на Апеннинах возглавившей попытки внутриитальянского сопротивления французской экспансии, отметим лишь, что к рубежу 1499-1500 гг. миланское «безвременье» со статусом герцога приобрело критический характер. Что не могло не сфокусировать приоритет для Катерины Сфорца на семейных проблемах (вновь вспомним здесь замечание Р. Биззокки о «репутационных основаниях власти итальянских правителей» [6, р. 349]).

Кроме того, неизвестно, были ли осведомлены флорентинцы при организации миссии в Форли о следующем обстоятельстве, также потенциально затруднявшем для них диалог о военном союзе со старшим сыном графини: ее младший сын Чезаре Риарио в мае 1499 г. принял сан архиепископа Пизы [11, р. 59]. Как уточняет американская исследовательница фигуры Катерины Сфорца Дж. де Врис, подобный акт – предпочтение церковной карьеры военной и (или) представительской – был традицией для ренессансных политических семей в отношении вторых сыновей в семьях [11, р. 59]. Собственно протекцию младшему родственнику в получении Пизанского архиепископства составил прошедший такой же тропой ранее

кардинал Католической Церкви Раффаэле Риарио. С этой точки зрения, противоречия де-юре в действиях фамилии Сфорца усмотреть не представлялось возможным [11, р. 59]. Однако в данном случае следует иметь в виду выше упомянутую предысторию принципиального спора флорентинцев о Пизе как церковном владении (который еще и велся с понтификом, принадлежавшим к фамилии первого супруга Катерины и отца Оттавиано и Чезаре – Риарио! [11, р. 38]). В связи с чем вскрытие подробного вопроса могло бы поставить любую перспективу диалога Флоренции и Форли в тупик. Впрочем, в дипломатической корреспонденции Макиавелли по ходу реализации миссии к графине отсутствуют какие-либо упоминания как Пизанского архиепископства, так и имени второго сына Катерины – Чезаре, из чего можно заключить, что флорентийское руководство по незнанию или преднамеренно (судить не представляется возможным) «пропустило» в диалоге с графией эти обстоятельства [16, р. 194-219]. Как бы то ни было, задачей Макиавелли было предложить графине и ее сыну такие перспективы за помощь Флоренции, чтобы они отказались послужить благу собственной семьи.

Поэтому, как следует из служебной инструкции, составленной Советом десяти для исполнения Никколо его миссии, велика вероятность, что Катерина Сфорца выдвинет перед представителем Флоренции весьма ультимативное условие: либо ее сын встанет во главе флорентийских наемных войск в предстоящих военных кампаниях республики, либо он по долгу семейной чести поступит на военную службу в Милан [16, р. 194-195]. Любопытно, что согласно той же служебной инструкции флорентийскому дипломату предписывалось сразу сообщить правительнице Форли об осведомленности флорентинцев об интересе миланцев к привлечению Оттавиано капитаном по договору с домом Сфорца, и, более того, подтвердить, что со стороны Флоренции нет намерения оспаривать это договорное право с Миланом [16, р. 194]. По всей видимости, флорентийское дипломатическое руководство изначально возлагало немного надежд на переговоры с Катериной Сфорца, имея в виду, что за несколько месяцев до миссии Макиавелли в Форли ее сын

отказал в заключении договора о кондотте еще одному должностному лицу Тосканской республики – комиссару в Романье Андреа де Пацци, и даже заверил свой отказ нотариально [16, р. 194]. Следует иметь в виду уточнение флорентийского руководства в этом письме о том, что получивший в январе 1499 г. отказ от Риарио в такой форме, как нотариальное заверение, Пацци был наречен комиссаром Флоренции в Романье [16, р. 194]. Исходя из этого, можно признать, что в условиях «рубежного периода» дипломатии Тосканской республики ее репрезентанты просто не пользовались полноценным доверием в отношении собственного статуса. Тем не менее, как сообщает Макиавелли в начале миссии в письме Совету десяти от 18 июля 1499 г., графиня Форли заговорила с ним в неожиданно приятном для флорентинцев ключе, прося руководство республики как можно быстрее подготовить пехоту в предоставление ее сыну, «...видя их опоздание с этим, из-за которого, как ей казалось, было потеряно непростительно много времени» [16, р. 207]. Однако секретарь флорентийской дипломатии добавляет, что, скорее всего, это маскировка отказа от договора под видом претензии со стороны графини, поскольку в разговоре, он уведомил Катерину Сфорца о письме Совета десяти, в котором предлагалось отправить в распоряжение ее сыну 500 человек, которые «...будут в Пизе через 15 дней, не раньше» [16, р. 207]. В ответ на что, получил от графини заявление о том, что «...она желала бы, чтобы ее признали и не отнимали у нее ее честь, которую она ценит превыше всего» [16, р. 207]. Слова Катерины о «честь превыше всего», которую она просит флорентинцев у нее не отнимать, по всей видимости, были восприняты Макиавелли как намек на уже заключенное соглашение о кондотте сына графини с Миланом, то есть под честью подразумевались семейные узы дома Сфорца.

В ответ на данное письмо, секретарь флорентийской дипломатии спустя два дня получил предписание своего руководства неожиданно сменить тактику диалога с графиней – указать ей теперь, что у Флоренции нет никаких сведений из Милана по вопросу персоны ее сына: «Поскольку мы ничего не имеем из Милана и еще не знаем всех нужд и планов такой особы, как Его

Превосходительство герцог, а также мыслей и желаний этой достопочтенной Мадонны, мы не можем сказать ничего другого, кроме как сослаться на то, что соизволит решить Его Превосходительство, уважая ее почтение и тот факт, что она, похоже, обязана этому господину за многие полученные милости, и оставляя этот вопрос на усмотрение Его Превосходительства» [16, p. 211].

Подобным образом руководство флорентийской дипломатии никак не стремилось изменить фактическое положение дел в проекте привлечения на службу капитаном Оттавиано Риарио. Скорее, это была «уловка» с целью преподнести конечный отказ графини Форли как следствие внешней неопределенности, якобы связанной с перепиской руководства республики с герцогом Милана Лодовико Моро, а не непосредственных итогов миссии Макиавелли. Сама миссия завершилась 24 июля 1499 г., и секретарь флорентийской дипломатии уведомил Совет десяти об отбытии из Форли с изначально ожидаемым для Тосканской республики результатом: Катерина Сфорца выразила благожелательный нейтралитет к Флоренции на будущее, но, как и ожидалось, не привлекла своего сына к службе капитаном республики в проекте пизанской кампании [1, с. 50-51]. В качестве компромисса, номинально свидетельствующего об устремлении к добрососедству, сама графиня согласилась принять на службу небольшой отряд от капитана вспомогательных сил Флоренции Дионисио Нальди, о чем Никколо уведомил руководство Тосканской республики по отбытию из Форли: «Завтра утром я отправлюсь в Кастрокаро, чтобы узнать, смогу ли я заверить в Корбиццо Дионисио Нальди и его отряды, которым Мадонна предложила выполнить любую работу. А о том, что последует за этим, будут извещены Ваши Светлости, которым я отдаю должное» [16, p. 218]. Но вскоре второй сын графини, Чезаре, принял осенью того же 1499 г. благословение на пизанское служение от кардинала Джованни Медичи [11, p. 59], что априори являлось недружественным жестом по отношению к изгнавшей дом Медичи Флоренции.

Подводя промежуточный итог исследования, следует отметить, что флорентинцы не успели получить в лице Катерины Сфорца соперницу по

«пизанскому вопросу», будь то косвенное или непосредственное соперничество. Вследствие падения Лодовико Моро в Милане графиня и сама вскоре потеряла власть. Однако ее политическая катастрофа будет связана с грандиозной авантюрой следующего «большого игрока» военной дипломатии Апеннин – герцога Валентинуа Чезаре Борджиа, который на рубеже 1499-1500 гг. захватит Форли и сделает графиню почетной пленницей в собственных владениях [11, р. 60]. Флоренция, в свою очередь, в результате визита Никколо Макиавелли в июле 1499 г. в Форли получила одно из первых свидетельств рационализма курса вооруженного нейтралитета в контексте многосложных переплетений итальянской дипломатии эпохи войн на Апеннинах.

Диалог с графством Форли, по сути, пролил свет на наиболее серьезные проблемы флорентийской политики в текущий момент Итальянских войн: таковыми ожидаемо оказались «пизанский вопрос», ограниченность вооруженного ресурса и необходимость талантливой работы репрезентантов тосканской республики. Талант Никколо Макиавелли как дипломатического стратега и аналитика, несомненно, в те июльские дни 1499 г., когда ему довелось беседовать с графиней Форли, только начинал оттачиваться. Тем не менее, нельзя недооценивать значение секретарской службы Макиавелли в подготовке и разборе писем по различным аспектам «пизанского вопроса» флорентийской политики 1498-1499 гг., а также ранних миссий Макиавелли в 1499 г. (в Пьомбино и Форли) в дальнейшем развитии флорентийской дипломатии эпохи Итальянских войн. Это был «рубежный период» выстраивания внешнеполитического курса Флоренции в конфликте на Апеннинах, когда Тосканская республика сформулировала в нем самостоятельную цель (возврат Пизы) и стратегию для ее реализации (поддержание вооруженного нейтралитета), а ее дипломатический секретарь стал одним из выразителей подобной стратегии и приверженцем заданной цели.

Выражалась же эта стратегия, в первую очередь, в документах внутри макиавеллевской служебной практики. В этой связи, в качестве заключительного итога исследования, ниже представлен снабженный

аппаратом примечаний наш перевод некоторых дипломатических документов за авторством Макиавелли в рамках миссии к Катерине Сфорца, публикующихся на русском языке впервые.

Перевод с итальянского языка, помещенный в приложении, осуществлен нами по изданию 1971 г. под редакцией итало-французского коллектива ученых во главе с Ф. Кьяппелли [16], который является на сегодняшний день одним из лучших изданий дипломатических документов эпохи Итальянских войн с точки зрения работы с традицией предшествовавших публикаций и историко-филологической критики текста.

Приложение

ИНСТРУКЦИЯ СОВЕТА ДЕСЯТИ К НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ ВО ИСПОЛНЕНИЕ ИМ МИССИИ В ФОРЛИ (ИЮЛЬ 1499 Г.) [I]

Июль 1499 [IV]

Поручение, данное Советом десяти Никколо Макиавелли для легации в Форли, в адрес Ее Превосходительства Мадонны и Его Превосходительства синьора Оттавиано, ее старшего сына. Намерение и т.д.

Вы отправитесь в Форли, или туда, где вы намерены найти эту прославленную Мадонну и Его Превосходительство синьора Оттавиано, ее старшего сына. И после того как вы засвидетельствуете свое почтение Их Превосходительствам и вручите наши верительные грамоты, которые вы будете иметь от нас, и общие для них обоих, и для каждого из них в отдельности, вы объясните причину вашего похода. Вы скажете им: «Эта легация объясняется тем, что некоторое время назад ваши агенты добивались от нас одобрения кондотты Оттавиано в этом году». Вы укажете, что мы не считаем себя обязанными делать это, так как в свое время через Андреа де' Пацци, который сейчас является нашим комиссаром в Романье, добивались этого, и мы, как оказалось, можем объяснить им те причины, которыми, как нам кажется, мы легко можем оправдать наш отказ. И вы расскажете здесь, как в конце января Андреа де Пацци просил от имени Десяти у Превосходства Господа Октавиана

этого благословения, на что тот ответил: «По договору не было ни обязательств, ни сохранности, поскольку со стороны Великолепных Децемвиров [V] главы договора оказалось невозможно обеспечить», – что господин Спинуччо да Форли заверил нотариально. Кроме того, мы располагаем письмами вышеупомянутого господина Оттавиано, датированными тем же днем, и несколькими письмами Андреа де Пацци, в которых он пишет нам от имени достопочтенной Мадонны, которая желает такого благословения за ничтожную цену. Из чего мы вынесли, что ни Его Превосходительство больше не обязан нам, ни мы ему, так как, по нашему мнению, по тому, как это было сделано, и по тем донесениям, которые были оттуда, было совершенно ясно, что Его Превосходительство никоим образом не может принять такого благословения. И нам сказали наши ораторы из Милана, что Превосходительство Мадонна несколько раз писала светлейшему герцогу в ответ на письма от него, в которых он убеждал ее принять подобную милость [от него]. Но она вовсе не хотела ее принимать, утверждая, что она плохо признана [VI], и что, найдя примирение с другими, Его Превосходительство не пожелал бы лишать ее утешения. Все это заставило нас думать, что как на словах, так и на деле Их Превосходительства не желают более упорствовать в этом соглашении. И когда у них нет поводов, то тот факт, что по нашей просьбе Его Превосходительства не приняли этот договор через четыре месяца, сделал невозможным, по истечении времени, вернуться к главам этого соглашения, так как оно истекло полностью. И таким образом вы обоснуете все это ясно, и так, чтобы Его Превосходительство понял, что то [обстоятельство], что [ничего] не было сделано, являлось разумным и обуславливалось причинами, указанными выше. А между тем ему следует понять, что, несмотря на все это, мы и учитываем его желание, и думаем, как мы ему обязаны за прошлые дела. И поэтому, чтобы удовлетворить Его Превосходительство, насколько это возможно в настоящее время, и выразить ему некоторую благодарность за добрые дела в этом городе, мы решили предоставить Его Превосходительству такое благословение, которое начнется после окончания срока полномочий по

предшествовавшему договору. Однако, в связи с прошлыми событиями и большим количеством солдат, которые у нас еще есть, мы желаем, чтобы этот договор был предоставлен в мирное время на этот год в размере десяти тысяч дукатов [VII]. Полагая, что подобный контракт удовлетворит Ваше Превосходительство если не по количеству, то, по крайней мере, по его постоянству. Поскольку, таким образом, он продлится дольше, чем, если бы мы содержали такое же количество денег и людей при оружии без капитана.

И мы также полагаем, что Его Превосходительство рассчитывает при этом не столько удовлетворить себя, сколько сделать это в благодарность нашему городу и в духе приобретения от него большей благосклонности, добавляя к почестям нашей свободы и свои заслуги. И вы покажете ему, что даже если этот договор не будет полезен в соответствии с его желаниями, то он будет предоставлен с достоинством и с надеждой, что будет лучше, когда город будет возвращен к своему естественному [положению] и восстановит свое состояние и силу. И если бы, быть может, Его Превосходительство сослалось в свою пользу на увеличение, сделанное некоторым из наших предводителей, вы имели бы большую возможность показать ему, что этого требовали условия того времени. И вы заявите также, что, когда бы они были наняты теперь, они не были бы столь велики и не могли бы пользоваться таким уважением, какое необходимо было иметь в то время, когда все было в тех условиях, в каких мы находились тогда. И вот, заявляя о потере кормления [VIII], вы также утверждаете, что прошло уже два месяца такой доброй воли, которую Его Превосходительство заслужил, и которая легко может компенсировать подобную потерю. И в этих обстоятельствах вы употребите самые действенные слова и обговорите самые подходящие условия, показывая Его Превосходительству, как сильно наш город желает получить возможность благословить и признать его дела, как мы верим в него и в его необходимость и сопряженность нашему городу, и благодарными словами убедите его в этом.

Не забыв написать о положении дел здесь и сейчас, мы можем тотчас же написать вам и разрешить привести договор [в действие]. А если возникнет

какое-либо затруднение, с момента, когда Его Превосходительство склонится к этому, чтобы он не сожалел, если платежи не будут отвечать времени. Это будет хорошим способом сказать ему, что без всякой нужды, а только для удовлетворения его желания, мы осуществляем этот договор. И, обремененные столькими расходами [что без такой причины мы бы этого не сделали], мы иногда будем вынуждены откладывать платежи; и в этом использовать такие слова оправдания, которые Его Превосходительство легко поймет.

**ПИСЬМО НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ К СОВЕТУ ДЕСЯТИ
ПО ИСПОЛНЕНИЮ МИССИИ В ФОРЛИ. 18 ИЮЛЯ 1499 Г. [II]**

Мои Великолепные и Превосходные Господа.

Вчера я подробно написал Вашим Превосходительствам через компаньона – кавалериста из Ардинго о том, насколько я выполнил поручения, которые они мне дали, и с желанием жду их ответа. Сегодня утром я получил письмо от Томмазо Тотти, в котором Ваши Превосходительства спрашивают меня о порохе и соли, которые я должен был взять из Кастрокаро, о чем я полностью написал вам 16 числа этого месяца [IX] и не буду вдаваться в дальнейшие подробности. И Вы внушили мне, Великолепные Господа, что я должен просить у Мадонны порох и пехотинцев. Я немедленно отправился к Ее Превосходительству [X] и еще раз объяснил ей ваше желание и услугу, которую вы рассчитываете от нее получить, а она ответила, что пороха у нее или вовсе нет, или мало. Но чтобы не упустить возможного, она обрадовалась, что 20 тысяч фунтов пороха, которые Леонардо Строцци [XI] выторговал в Пезаро от ее имени, я выменял на 10 тысяч фунтов для Ваших Светлостей, и приказал Ризорболо [XII], чтобы он написал об этом упомянутому Леонардо. Я не испытывал никакого стеснения в приеме, чтобы распорядиться временем Ее Превосходительства в соответствии с намерениями Ваших Сиятельств, и мне не удалось получить ничего другого. Тогда Ваши Превосходительства отведут к ним Леонардо Строцци, и они сумеют с ним договориться, и тотчас же пошлют наемных солдат, чтобы его увезти, и напишут мне лист, и пришлют

мне письма от Леонардо, чтобы его доставили по моему распоряжению. А я прикажу отвезти его в Кастрокаро, откуда его доставят наемники Ваших Превосходительств, потому что этот приказ был отдан в прошлом году, как известно Гаспарре Пасквини [XIII], служащему Ваших Превосходительств. Что касается пехотинцев, письмо по поводу которых вы просили сообщить, то Ее Превосходительство сказала мне, что она с удовольствием даст разрешение своим людям перейти на службу к Вашим Светлостям, но вам не удастся заставить их выдвинуться без денег. Однако Ваши Светлости должны послать ей [бумагу] об оплате, чтобы иметь возможность забрать их, таким образом, чтобы взять отборных, хорошо вооруженных и верных людей и быстро отправить их [к месту]. Поэтому, если Ваши Светлости нуждаются в пехоте, пусть получают сразу же 500 человек, [но] заодно и пришлют по дукату [за каждого]. И я верю, что они будут в Пизе через 15 дней, не раньше, так что Ваши Светлости подумают, что для них целесообразнее, и уведомят; а я выполню все поручения со всем усердием. Эта Достопочтенная Госпожа, когда я сообщил ей сегодня утром о письме Ваших Светлостей, прежде чем сказать несколько слов [в ответ], изрекла: «Сегодня утром у меня хорошие новости, потому что я вижу, что Ваши Светлости также будут правы, поскольку они готовят пехоту. Я одобряю их и радуюсь этому так же, как и прежде, наблюдая их опоздание, из-за которого, как мне казалось, было потеряно непростительно много времени». Я искренне поблагодарил Ее Светлость, затем показал ей, что необходимость вызвала эту задержку, на что Ее превосходительство охотно согласилась. Добавив, что вы хотели бы иметь свое государство в таком месте, где вы могли бы внушить всем вашим людям и подданным свое расположение [XIV], потому что это показало бы всему миру, что ничто другое не сделало Ваши Светлости приверженцами собственного государства, кроме привязанности и веры, которую вы к нему питаете. Но она желала бы, чтобы ее признали и не отнимали у нее ее честь, которую она ценит превыше всего. Что она сочла наиболее уместным для Ваших Светлостей, не столько ради нее,

сколько из-за примера, который вы подадите остальным последователям, чтобы они признавали милости и не были неблагодарными.

Я не нарушил своего долга ответить на то, о чем меня просили; тем не менее, я знал, что слов и доводов недостаточно, и чтобы подкрепить их, требуется добавить отчасти и дела. И я искренне верю, что если Ваши Превосходительства внесут в договор какие-либо изменения, или если главы нового договора будут расширены, то едва ли они сохранят Достопочтенную Госпожу как друга или союзника во всех отношениях. Так что она не сможет быть более преданной союзницей нашему городу, о чем я видел много очевидных признаков. Мне показалось, что я должен написать это Вашим Светлостям, чтобы они могли подробнее изучить то, о чем я говорил вам вчера. Всего наилучшего.

Из [дворца] Форли. 18 июля 1499 года.

Смиренный слуга

Никколо Макиавелли

ПИСЬМО НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ К СОВЕТУ ДЕСЯТИ ПО ИСПОЛНЕНИЮ МИССИИ В ФОРЛИ. 24 ИЮЛЯ 1499 Г. [III]

Мои Великолепные и Превосходные Господа.

Поскольку я уже написал письмо и желал ускорить Ардинго, ко мне зашел мессер Джованни да Казале [XV] и сказал мне, [как] от имени Мадонны, что мне нет необходимости писать, поскольку Превосходительство Мадонна соизволила не требовать от Ваших Светлостей никаких других обязательств. Поскольку она была совершенно уверена, что они не должны предпринимать никаких других шагов в ее нуждах, но что она приняла их от Ваших Светлостей; и что сегодня утром я пришел к Ее Превосходительству, чтобы остановить утверждение договора. Поэтому, убедив себя в том, что я должен следовать этому с полной силой, и написав в Пьовано ди Кашина Лоренцо ди Пьеро Франческо [XVI] по почте, я написал то же самое Вашим Светлостям, будучи уверенным в том, что в этом деле все было кончено. Сегодня утром,

полагая, что я пришел к завершению того, что оставалось невыполненным, и оказавшись вместе с мессером Джованни, префектом в присутствии Мадонны, Ее Превосходительство сказала мне, что ночью думала о том, что будет придерживаться Ваших Светлостей с большей честью, объявив себя обязанной защищать государство, как сказал мне ее канцлер. Однако было вновь решено, что я должен написать об этом Вашим Светлостям, и что если бы мессер Джованни сказал мне обратное, я не должен был бы удивляться, ибо, чем больше вещей обсуждается, тем лучше они понимаются. Услышав об этой перемене, я не мог не возмутиться и не показать себя в дурном расположении духа, и словами и жестами говоря, что Ваши Светлости также были бы изумлены этим, написав Ее превосходительству, чтобы она была благостна без всяких отговорок. И поскольку я не могу больше ничего получить от Ваших Светлостей, я был вынужден послать вам это письмо, особо уведомив вас о том, что последует дальше, чтобы они могли лучше выслушать и что-нибудь решить, и поскорее.

Завтра утром я отправлюсь в Кастрокаро, чтобы узнать, смогу ли я заверить в Корбиццо Дионисио Нальди [14] и его отряды, которым Мадонна предложила выполнить любую работу. А о том, что последует за этим, будут извещены Ваши Светлости, которым я отдаю должное. Всего наилучшего.

Из Форли, 24 июля 1499.

Смиренный слуга

Никколо Макиавелли

Примечания:

I. Пер. с итал. К.В. Павлова по изд.: Niccolò Machiavelli. *Legazioni. Commissarie. Scritti di governo* / A cura di F. Chiappelli. Vol. 1: 1498-1501. Bari: Laterza, 1971. P. 194-196.

II. Пер. с итал. К.В. Павлова по изд.: Там же. P. 206-208.

III. Пер. с итал. К.В. Павлова по изд.: Там же. P. 217-218.

IV. Точная дата инструкции, выданной Советом десяти на имя Макиавелли во исполнение миссии в Форли, неизвестна. Однако если принять во внимание тот факт, что верительная грамота от канцлера Флорентийской республики Марчелло Адриани к Оттавиано Риарио на предмет макиавеллевского визита датируется 12 июля, вероятная дата инструкции – или тот же день, или около этой даты [Niccolò Machiavelli. *Legazioni. Commissarie. Scritti di governo*. Vol. 1. P. 194].

V. Использованный Оттавиано Риарио в нотариальном документе об отказе от договора кондотты с флорентинцами латинизм «Великолепные Децемвиры» («*Magnificorum Decemvirum*») служил весьма тонкой усмешкой над «промежуточным» состоянием флорентийского политического устройства того периода. Прозвище «*Magnifico*» (Великолепный), как известно, носил скончавшийся в 1492 г. Лоренцо Медичи. Тем самым, называя членов Совета десяти «Великолепными Децемвирами», Риарио намекал, кому они были обязаны занимаемым положением видных горожан во Флоренции к 1499 г., и как они отплатили своему патрону, изгнав из города его сына Пьеро.

VI. В оригинальном тексте письма Макиавелли фигурирует слово «*reconosciuta*» (признана, вознаграждена), переведенное нами здесь дословно как «признана». В данном случае и контексте, вполне возможен и второй вариант дословного перевода – «вознаграждена»: тогда, если «*male riconosciuta*» перевести как «плохо вознаграждена», речь идет о недовольстве Катерины Сфорца прежде всего суммой, предлагаемой флорентинцами за договор о привлечении наемных войск под главенством ее сына.

VII. Сумма в 10 тыс. дукатов для выплаты одному лицу была в Италии в то время весьма серьезной: к примеру, за всех наемников, предоставленных чуть позже для пизанской кампании 1499 г. по соглашению с Францией, флорентинцы выплатят в 1501 г. ровно такой же долг Людовику XII [см.: Каппони Н. Макиавелли / Пер. с англ. А.Л. Уткина. М.: Вече, 2012. с. 66].

VIII. Слово «*piatto*» в оригинальном тексте письма Макиавелли может быть переведено дословно в зависимости от контекста как «кушанье», «блюдо»

или «тарелка». Поскольку речь идет о договоре с наемником, вариант перевода «кормление» (по сути, синонимичный одному из дословных значений – «кушанье») представляется нам здесь наиболее корректным.

IX. По всей видимости, это письмо к Никколо Макиавелли от 16 июля 1499 г. было зашифровано в целях избежать риска перлюстрации (во всяком случае, в рассматриваемом нами издании легации Макиавелли к Катерине Сфорца таковое не значится). Отправитель письма, Томмазо Тотти, впоследствии осенью 1502 г. состоял в переписке с Никколо по ходу реализации секретарем флорентийской дипломатии знаменитой миссии ко двору герцога Валентинуа Чезаре Борджиа [см.: Niccolò Machiavelli. *Legazioni. Commissarie. Scritti di governo* / A cura di F. Chiapelli. Vol. 2: 1501-1503. Bari: Laterza, 1973. P. 278, 283].

X. Если иметь в виду, что Макиавелли уведомил Совет десяти о выдвижении на миссию за день до этого письма от 18 числа, т.е. 17 июля 1499 г., то его диалог с графиней Форли действительно можно считать состоявшимся немедленно.

XI. Леонардо Строцци, регулярный адресат служебных писем Макиавелли, был представителем одной из наиболее знатных и состоятельных флорентийских семей, так же, как и Пацци, преимущественно стоявших в оппозиции к дому Медичи.

XII. Некий Ризорболо как звено служебной переписки Макиавелли также упоминается в дальнейшей корреспонденции дипломата. Например, он указан как лицо, доставлявшее письма Макиавелли к Антонио Джакомини, военному комиссару Флоренции, в июле 1502 г. Единственное лицо с подобной фамилией, известное нам из относительно синхронных по времени источников, Никколо Ризорболо, о котором мы знаем, что при Лоренцо Медичи он был канцлером флорентийской коммуны Прато. Доподлинно неизвестно, тот ли это Ризорболо, который упоминается в макиавеллевских реляциях. Однако вероятность этого тем выше, что Макиавелли, как секретарь флорентийской дипломатии, также замещавший и должность секретаря внутривластного

Первой канцелярии Флоренции, вполне мог написать письмо «по «канцелярской линии» канцлеру флорентийской коммуны [см.: Niccolò Machiavelli. *Legazioni. Commissarie. Scritti di governo*. Vol. 2. P. 140-143; *Patrons and Artists in the Italian Renaissance* // Ed. by D.S. Chambers. London: Palgrave Macmillan, 1970. P. 73.].

XIII. Гаспарре Пасквини был представителем видной флорентийской фамилии, имевшей в конце XV – начале XVI вв. широкое представительство в высших государственных магистратах тосканской республики. Так, Ж.-М. Ривьер называет пять выходцев из фамилии Пасквини членами *Tre Maggiori* в 1506-1512 гг. [см.: Rivière J.-M. *L'espace politique républicain à Florence de 1494 à 1527: réforme des institutions et constitution d'une élite de gouvernement*. PhD dissertation. Paris: Université Paris, 2005. P. 95].

XIV. Глагол «inspingere» в оригинальном тексте письма Макиавелли, переведенный здесь как «внушить», вообще-то напрямую переводится как «протолкнуть» или даже «всучить». Нами выбран наиболее корректный в контексте дипломатической корреспонденции вариант перевода. Все предложение в целом – прямое свидетельство того, что графиня Форли изначально искала предлог избежать отправки наемников во главе с Оттавиано Риарио в Пизу на стороне Флоренции.

XV. Джованни да Казале, судя по упоминанию Макиавелли рядом с его именем статуса «префект» («prefato»), мог быть высшим судебным должностным лицом в Форли и одной из ближайших к графине персонаний. Мог Казале и замещать должность канцлера: намек на это, как следует из переведенного нами письма, сделала флорентийскому дипломату в разговоре сам Джованни. На это указывает и то обстоятельство, что в одном из предыдущих писем Никколо по ходу легации к Катерине Сфорца, от 22 июля 1499 г., где также фигурировало имя Казале, сообщалось, что перед ним заискивают люди, служащие в интересах Милана [см.: Niccolò Machiavelli. *Legazioni. Commissarie. Scritti di governo*. Vol. 1. P. 213].

XVI. Лоренцо ди Пьеро Франческо являлся дипломатическим курьером на службе Флоренции. Упомянут Никколо также в майском письме 1501 г. к флорентийскому комиссару Томмазо Тосинги как лицо, отправившееся на встречу королю Франции для сопровождения по пути следования [см.: Niccolò Machiavelli. *Legazioni. Commissarie. Scritti di governo*. Vol. 1. P. 498].

XVII. Дионисио Нальди впервые упомянут Макиавелли в цитируемом в тексте статьи письме от 6 ноября 1498 г. как командир вспомогательного войска пехоты, отступившего из флорентийского лагеря в Казентино. Тогда и далее, в служебной переписке Макиавелли имя Нальди несколько раз встречается «в связке» с именем Ринуччо да Марчано, графа одноименной местности и одного из кондотьеров, нанятых Флоренцией для проведения пизанской кампании [см.: Niccolò Machiavelli. *Legazioni. Commissarie. Scritti di governo*. Vol. 1. P. 79].

Список литературы:

1. Каппони Н. Макиавелли / Пер. с англ. А.Л. Уткина. М.: Вече, 2012. 372 с.
2. Павлов К.В. Дипломатия Флоренции в Итальянских войнах: «политика одного клана» и миссия Франческо Содерини ко двору Чезаре Борджиа (июнь – июль 1502 г.) // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XLIV всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (5-7 ноября 2024 г.): Сборник / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Скифия-принт, 2025. С. 446-458.
3. Тельменко Е.П. «Нужны добрые формы для вашего нового правительства, чтобы никто не мог возвыситься, как сделали венецианцы...» (к вопросу об учреждении Большого совета в савонаролианской Флоренции кон.XV в.) // *Via in tempore*. История. Политология. № 9 (64), 2009. С. 41-44.
4. Филипп де Коммин. Мемуары / Пер. с франц. Ю.П. Малинина. М.: Наука, 1986. 496 с.

5. Франческо Гвиччардини. История Италии. В двух томах / Пер. с итал. и подготовка издания М.А. Юсима. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. Т. 1. 744 с.; Т.2. 696 с.
6. Bizzocchi R. Chiesa e potere nella Toscana del Quattrocento. Bologna: Societa editrice il Mulino, 1987. 416 p.
7. Boriaud J.-Y. Machiavel. Paris: Perrin, 2015. 368 p.
8. Cadoni G. La crisi istituzionale degli anni 1499-1502 // Lotte politiche e riforme istituzionali a Firenze tra il 1494 e il 1502 / A cura di G. Cadoni. Roma: Nella sede dell'Istituto, 1999. P. 101-175.
9. Celenza C. Machiavelli: A Portrait. Cambridge; London: Harvard University Press, 2015. 251 p.
10. Czapińska-Bambara M. Taxonomy of Patience in Sixteenth-Century Florentine Political Thought // *Studia Ceranea*. 2024. Vol. 14. P. 1-18.
11. de Vries J. Caterina Sforza and the Art of Appearances. Gender, Art and Culture in Early Modern Italy. Routledge: Taylor & Francis Group, 2016. 322 p.
12. Gagne J. Milan Undone: Contested Sovereignties in the Italian Wars. Cambridge; London: Harvard University Press, 2021. 465 p.
13. La guerra di Cambrai fatta a tempi nostri in Italia, tra gli illustrissimi signori vinitiani, et gl'altri principi di christianita. Diligentemente scritta dal clarissimo senatore m. Andrea Mocenico gentilhuomo vinitiano / Tradotta di latino in lingua thoscana, 1544 [Электронный ресурс] // Internet Archive [сайт]. 11.17.2014. URL: <https://goo.su/1TFbK> (дата обращения: 12.12.2025).
14. Lives of the early Medici as told in their correspondence / Transl. and ed. by J. Ross. London: Chatto & Windus, 1910. 420 p.
15. Negociations diplomatiques de la France avec la Republique de Florence. In 5 T. T. I / Rec. et publ. par A. Desjardins & G. Canestrini. Paris: Imprimerie Imperiale, 1859. 714 p.
16. Niccolò Machiavelli. Legazioni. Commissarie. Scritti di governo: In 4 vol. / A cura di F. Chiappelli. Vol. 1: 1498-1501. Bari: Laterza, 1971. 739 p.

17. Rivière J.-M. L'espace politique républicain à Florence de 1494 à 1527: réforme des institutions et constitution d'une élite de gouvernement. PhD dissertation. Paris: Université Paris, 2005. 466 p.

18. Theory and Practice of the Balance of Power, 1486-1914. Selected European Writings / Ed. by M. Wright. London: J.M. Dent & Sons Ltd, 1975. 192 p.

Сведения об авторе:

Павлов Кирилл Владимирович – магистр истории, аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Data about the author:

Pavlov Kirill Vladimirovich – Master of History, graduate student of Institute of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com.